

Пролог

Лейла обводит взглядом зал суда. Движение заметно только среди горстки допущенных корреспондентов, фиксирующих каждое слово судьи. Все остальные сидят неподвижно, смотрят и ждут, поэтому у Лейлы возникает странное ощущение застывшего времени, словно и через год все по-прежнему будут сидеть на своих местах в ожидании приговора, который изменит жизнь стольких людей.

У Лейлы к горлу подступает комок. Если это так тяжело для нее, что же тогда должны испытывать родители Дилана, зная, что через несколько минут они услышат вердикт своему сыну.

Перед перерывом Макс и Пипа Адамс сидели на противоположных краях длинной скамьи позади своих адвокатов. Сейчас они занимают ту же скамью, но расстояние между ними сократилось настолько, что они могли бы коснуться друг друга.

Ближе к вынесению решения суда Лейла замечает какое-то движение. Трудно сказать, кто из них, Макс или Пипа, пошевелился первым. Похоже, они и сами не отдают себе отчета в том, что делают, но их руки, медленно преодолев разделяющее их пространство, находят друг друга.

Родители Дилана берутся за руки.

Судья начинает оглашать приговор.

Зал слушает, затаив дыхание.

ДО СУДА

Глава 1

◆—————◆
Пипа

Дилану было шесть часов от роду, когда я заметила за его левым ушком пятно величиной с отпечаток большого пальца. Лежа на боку, я рассматривала сына, обнимая его тельце свободной рукой. Смотрела, как подрагивают его красивые губы, любовалась щечками и завитками ушей. А потом увидела это пятнышко цвета чая с молоком и улыбнулась как чему-то знакомому.

— У него твое родимое пятно.

Я показала его Максу, и он сказал, что теперь точно знает, что это его ребенок, и мы так громко смеялись, что заставили дежурную медсестру озабоченно выглянуть из-за шторы. Когда Макс ушел и в палате погасили свет, я дотронулась кончиком пальца до светло-коричневого пятнышка, объединяющего двух моих самых любимых людей, и подумала, что счастливее меня нет никого на свете.

Откуда-то из палаты доносится тихий плач, и женский голос нежно мурлычет в ответ. В коридоре слышится скрип резиновых подошв, и кулер в коридоре, булькая, отпускает очередную порцию воды, прежде чем шаги возвращаются обратно в палату.

Осторожно положив руку на голову Дилана, я приглаживаю его волосы. Они отрастают редким ежиком, совсем как у младенца, и я гадаю, станут ли они вновь волнистыми. Вернется ли их темно-русый цвет, который был у него в два года? Я провожу пальцем по его носику, ста-

раясь не задеть тонкую трубку, протянутую через ноздрю в желудок.

Траheyная трубка толще, чем питающая. Ее ввели Дилану через рот, закрепив пластырем на подбородке и над губами. На Рождество мы наклеили ему усы, выбрав самые пышные. И несколько дней, пока не запачкался пластырь, наш трехлетний сын снова вызывал у окружающих улыбки.

— Его можно трогать?

Я смотрю в другой конец палаты, куда поместили нового мальчика. Рядом с его кроватью, встревоженная и неуверенная, топчется его мать.

— Ну конечно, — подбадривающе улыбается ей дежурная сестра Шерил. — Возьмите его за руку, обнимите, поговорите с ним.

Здесь всегда дежурят по крайней мере две медсестры, и они регулярно меняются, но Шерил — моя любимица. У нее успокаивающие манеры, и она такая заботливая, что пациентам становится лучше от одного ее присутствия. В нашей палате лежат трое детей: восьмимесячная Дарси Бредфорд, мой Дилан и новый мальчик. На карточке, прикрепленной к спинке его кровати, фломастером написано имя — Лиам Слейтер.

Рядом с именем ребенка, как правило, размещается наклейка с каким-нибудь животным, и если дети, проходящие интенсивную терапию, чувствуют себя достаточно хорошо, они сами могут выбрать ее для себя. В детском саду у Дилана такие же картинки наклеены над крючками для одежды. Я выбрала для него кошку — Дилан очень любит кошек. Он так нежно гладит их по шерстке, широко распахнув глаза, словно удивляется такой невероятной мягкости. Однажды его поцарапал большой рыжий кот, и Дилан от неожиданности и огорчения сначала широко раскрыл рот, а через секунду громко заплакал. И мне стало грустно, что теперь он будет опасаться того, что всегда приносило ему так много радости.

— Не знаю, что ему сказать, — дрожащим голосом шепчет мама Лиама.

Ее сын старше Дилана. Должно быть, он уже ходит в школу. У него курносый нос, веснушки и длинные волосы на макушке, а над ушами выбриты две тонкие полоски.

— Классная стрижка, — говорю я.

— У них в школе все так ходят, — с притворным осуждением объясняет она.

Я подыгрываю ей, недовольно морща нос.

— О боже... Мне все это только предстоит. Меня зовут Пипа, а это Дилан.

— Никки. И Лиам. — Ее голос срывается, когда она произносит его имя. — Жаль, что здесь нет Коннора.

— Вашего мужа? Он придет завтра?

— Ему надо на поезд. В понедельник утром рабочих забирают, и они возвращаются только в пятницу. Он всю неделю на стройплощадке.

— Он строитель?

— Штукатур. Сейчас он работает на большой стройке в аэропорту.

Она смотрит на Лиама, и ее лицо становится мертвенно-бледным. Мне знаком этот страх, который в тишине палаты лишь разрастается до невыносимых размеров. В онкологическом отделении атмосфера совсем другая. По коридорам бегают дети, в игровой комнате оживленно, и повсюду разбросаны игрушки. Дети постарше занимаются с учителями по программе образования, физиотерапевты работают с пациентами с нарушенной двигательной способностью. Ты по-прежнему переживаешь, как же может быть иначе — Господи, да ты просто в панике, — но за пределами палаты все немало иначе. Там шумнее и оживленнее. Больше надежды.

— Опять к нам? — говорят сестры, снова увидев нас. — Тебе здесь понравится, Дилан!

Но в их глазах я читаю другое: «Как жаль, что это опять случилось. Вы только не расстраивайтесь. У вас все будет хорошо».

Самое забавное, что ему и вправду здесь нравится. Дилан светится от радости, узнавая знакомые лица, и если бы его ноги могли ходить, он побежал бы по коридору в игровую комнату, забрался бы в башню, и издали никто бы не догадался, что у этого ребенка опухоль мозга.

Но это лишь издали. Вблизи все выглядит по-другому. Вблизи вы сразу обращаете внимание на шрам в левой части его головы, похожий на крючок от вешалки, — вследствие внутричерепной операции, во время которой хирурги удалили Дилану опухоль. Замечаете его запавшие глаза и восковую обескровленную кожу. И, встретив нас на улице, вы невольно почувствуете жалость.

Но в детской палате никто не вздрагивает от жалости. Дилан один из многих, кто покрыт шрамами еще не выигранной войны. Может, поэтому ему здесь и нравится. Он такой же, как все остальные.

Мне тоже здесь хорошо. Мне нравится моя раскладная кровать рядом с кроватью сына. На ней мне спится лучше, чем дома, потому что здесь мне достаточно нажать на кнопку, и к нам тотчас же кто-нибудь прибежит. Тот, кто не запаникует, если Дилан вытащит одну из своих трубок; кто уверит меня, что язвы у него во рту со временем затянутся; кто улыбнется и скажет, что синяки — это вполне естественное последствие химиотерапии.

Никто и вправду не запаниковал, когда я в прошлый раз нажала на кнопку, но на этот раз они уже не улыбались.

— Пневмония, — сказала доктор, которая сопровождала Дилана на его первом курсе химиотерапии, когда мы с Максом, едва сдерживая слезы, просили друг друга сохранять мужество ради сына. Мы видели ее и на каждом последующем курсе, когда мы четыре месяца мотались между больницей и домом. — Химиотерапия может

вызывать воспаление легких, поэтому ему так трудно дышать.

— Но ведь последний курс прошел в сентябре.

А сейчас уже конец октября. То, что осталось от опухоли после операции, больше не росло, и химиотерапию планировали прекратить. Дилан должен был пойти на поправку, а тут вдруг такое.

— В некоторых случаях осложнения могут развиваться даже спустя несколько месяцев. Кислород, пожалуйста.

Последние слова были обращены к медсестре, которая уже разворачивала маску.

Через два дня Дилана перевели в отделение педиатрической реанимации на искусственную вентиляцию легких.

В палате интенсивной терапии совсем другая атмосфера. Здесь тихо. Очень тяжело. Но привыкаешь и к этому. Ко всему можно привыкнуть, хотя легче от этого не становится.

Никки поднимает голову. Она смотрит на Дилана, и на секунду я вижу своего мальчика ее глазами. Я вижу его бледную влажную кожу, канюли на обеих руках и трубки, змеящиеся на обнаженной груди. Тонкие редкие волосы. Глаза, мигающие под веками, словно бабочки, трепещущие в западне ладоней. Я знаю, о чем думает Никки, хотя она ни за что не призналась бы в этом. Да и никто из нас тоже.

Она думает: «Мой уж точно не такой доходяга».

Заметив, что я смотрю на нее, Никки краснеет и опускает глаза.

— Что вы вяжете? — спрашивает она.

Из моей сумки торчит пара спиц и клубок ярко-желтой пряжи.

— Покрывало для Дилана.

Я показываю ей законченный квадратик.

— Я могу вязать только самые простые вещи. Шарфы или покрывала.

У меня готовы штук тридцать желтых квадратиков разных оттенков, которые я собираюсь сшить в одно целое.

Достаточное количество для того, чтобы получилось покрывало на детскую кровать. Когда твой ребенок лежит в палате интенсивной терапии, у тебя появляется много свободного времени. Сначала я приносила с собой книги, но, перечитывая страницу за страницей раз по десять, так и не понимала, о чем там написано.

— В каком классе Лиам?

Я избегаю говорить о том, что случилось с детьми, попавшими в эту больницу. Иногда я догадываюсь, часто рассказывают родители, но сама никогда не спрашиваю. Вместо этого я интересуюсь их школьными делами или спортивной командой, которую они поддерживают. В общем, всем тем, что было в жизни детей до болезни.

— В первом. Он самый младший в классе.

У Никки трясется нижняя губа. Из дорожной сумки, стоящей у ее ног, выглядывает синий школьный джемпер. Теперь на Лиаме больничный халат.

— Вы можете принести ему пижаму. Здесь разрешают носить свою одежду, но только с метками. Иначе вещи теряются.

Шерил натянуто улыбается.

— Здесь и без того хватает проблем, чтобы еще разыскивать потерянные футболки, верно? — Я стараюсь говорить громче, чтобы вовлечь в разговор Аарона и Инь, дежурящих в палате.

— Да, мы порядком загружены, — улыбается Инь. — Пипа права, вы можете принести из дома одежду и любимую игрушку сына. Лучше что-нибудь легко отмывающееся, чтобы избежать инфекции, но если он скучает без своего мишки, можно принести и его.

— Я принесу Бу, — говорит Никки, поворачиваясь к Лиаму. — Принести тебе Бу? Ты ведь его любишь?

Ее голос звучит неестественно громко и высоко. Она еще не умеет разговаривать с ребенком, которого накачала снотворным. Это не похоже на тот безмятежный сон, каким забывается заигравшийся ребенок, когда вы по до-

роге в свою спальню прокрадывается в детскую и шепчет ему на ушко: «Я тебя люблю». Стоите над ним, глядя на спутанные волосы, торчащие из-под одеяла, и тихо произносите: «Спи спокойно, карапузик. Тебя клопик не укусит...» Сейчас вы не услышите в ответ ни легкого вздоха сквозь сон, ни неразборчивого бормотания.

Раздается звонок, и рядом с кроватью Дарси вспыхивает лампочка. Инь пересекает палату, поправляет оксиметр на ее ножке, и лампочка гаснет. Уровень кислорода у Дарси приходит в норму. Взглянув на Никки, я замечаю, что она в панике.

— Дарси такая хитрюга, — объясняю я. Конечно, пройдет какое-то время, прежде чем ты перестанешь вскакивать от каждого звонка или сигнала. — Обычно по вечерам с ней сидят ее родители, но сегодня у них годовщина свадьбы и они отправились на мюзикл.

— А что они смотрят? — Инь побывала на «Вестсайдской истории» одиннадцать раз. К воротничку ее халата пришили значки «Призрака оперы», «Отверженных» и «Матильды».

— «Злую».

— О, потрясающая вещь! Я видела его с Имоджин Синклер в роли Глинды. Им точно понравится.

У восьмимесячной Дарси менингит. Был менингит. Еще одна причина, почему ее родители проводят все вечера в палате интенсивной терапии — менингит вызвал осложнения.

— Мой муж тоже уехал, — говорю я Никки. — Его работа связана с разъездами.

Я поворачиваюсь к Дилану.

— Папочки не будет на твоём празднике. Жалко, правда?

— У него день рождения? — спрашивает Никки.

— Гораздо лучше.

Я стучу по деревянному подлокотнику своего кресла. Машинальный жест, который я повторяю по сто раз на дню. И думаю обо всех родителях, которые сидели в этом

кресле до меня. Об их наивной вере в приметы, заставляющей их пальцы стучать по дереву.

— Завтра Дилана снимают с искусственной вентиляции легких. Врачи пытались это сделать уже несколько раз, но эта маленькая обезьянка... Постучим по дереву, да?

— Постучим, — поддерживает меня Шерил.

— Значит, наступило улучшение? — интересуется Никки.

— Еще какое, — улыбаюсь я, поднимаясь.

— Ну, мой дорогой, я пойду, — говорю я Дилану.

Поначалу мне было неловко разговаривать с сыном в присутствии других. Я стеснялась. Это все равно, что говорить по телефону в офисе с открытой планировкой или в первый раз идти в спортзал, когда тебе кажется, что все смотрят на тебя. На самом деле окружающим нет до тебя никакого дела, они слишком заняты своими телефонными звонками, тренировками и собственными больными детьми.

Сначала ты с трудом начинаешь говорить со своим ребенком при посторонних, а через три месяца ты просто перестаешь замечать окружающих.

— Бабушка приедет к тебе в выходные. Здорово, правда? Она по тебе ужасно соскучилась, но все боялась ехать из-за своей простуды. Бедняжка.

У меня вошло в привычку все время болтать с Диланом. Я постоянно ловлю себя на том, что громко разговариваю с ним в машине, магазинах и дома, заполняя пустоту, где должны звучать фразы типа: «Смотри, какой трактор», «Пора спать» и «Смотри глазами, Дилан, а руками не трогай». Врачи утверждают, что с детьми надо больше разговаривать. Голоса папы и мамы для них — своего рода терапия. Но мне кажется, что привычка постоянно говорить с ребенком нужна скорее родителям. Это напоминает им о прошлой жизни, когда их дети еще не проводили долгие месяцы в больничной палате.

Опустив бортик кровати, я наклоняюсь над Диланом так, что наши носы соприкасаются.

— Эскимосский поцелуй, — тихо говорю я.

Сын никогда не дает нам забыть об этом поцелуе на ночь, сколько бы мы его не обнимали.

— Экиимо! — настаивает он, и я снова откидываю бортик кровати и наклоняюсь для вечерней церемонии, а он прижимает свой носик к моему и хватает меня за волосы.

— Мой любимый малыш, — произношу я.

Закрыв глаза, я представляю теплое дыхание на своей щеке, пахнущее сладким молочком. Завтра, думаю я. Завтра из него вынут трубку, чтобы больше уже не вставлять. Поцеловав его в лоб, я поднимаю бортик кровати, следя, чтобы он щелкнул, вставая на место.

— Спокойной ночи, Шерил. До свидания, Аарон и Инь. Завтра увидимся?

— Меня не будет три дня, — сообщает Инь, поднимая обе руки, словно в благодарении Богу.

— О, ты, кажется, поедешь к сестре? Желая хорошо провести время.

Я смотрю на Никки Слейтер, которая подвинула свой стул поближе к кровати сына, чтобы положить голову рядом с ним.

— Постарайся отдохнуть, если сможешь. Нам всем предстоит долгий путь, — говорю я ей.

Я прощаюсь с медсестрами и с санитаром Полем, который перевез Дилана из онкологического отделения в интенсивную терапию и постоянно спрашивает о нем. Взяв пальто и ключи от машины, я иду на автостоянку, где опускаю очередные десять фунтов в парковочный терминал.

Если ваш ребенок находится в отделении интенсивной терапии, вы можете купить сезонный абонемент на парковку. Я всегда предупреждаю об этом родителей, чтобы они могли немного сэкономить. Особенно когда у них две машины, как у нас с Максом. Сутки парковки стоят десять фунтов, но за неделю вы платите всего двадцать, а за месяц — сорок. Я купила месячный абонемент в ноябре,

а потом еще один в декабре, но, когда наступил январь, я просто не смогла себя заставить купить его опять. Это все равно, что признать свое поражение. Ведь мы не останемся здесь еще на один месяц? У Дилана, похоже, все стабилизировалось.

Мороз посеребрил асфальт. Я соскребаю лед с ветрового стекла футляром от диска Ареты Франклин и включаю на полную мощность отопление, чтобы убрать изморозь со стекол. Когда они наконец оттаивают, в машине становится так жарко, что мне приходится открыть окно, чтобы не заснуть за рулем.

Путь домой занимает чуть больше часа. В больнице есть помещения для родителей: три двухместные комнаты с крохотными кухоньками, которые выглядят новыми — кому придет в голову готовить, когда твой ребенок лежит в палате интенсивной терапии? Мы жили здесь почти весь ноябрь, пока Макс не вернулся на работу. Дилан находился в критическом, но стабильном состоянии, так что мы уступили комнату тем, кому она была нужнее. А я вполне могу ездить домой. Включив радио, я нахожу одну из моих любимых программ.

Она называется «Вырастить Би», и ее ведет женщина приблизительно моего возраста, мама девочки Би. Настоящего имени Би я не знаю, о ней известно лишь то, что у нее есть две сестры, она любит фортепьянную музыку, бархатные подушки и она полный инвалид.

Мы уже знаем, что у Дилана поврежден мозг, причем свою роль сыграла не только опухоль, но и операция по ее удалению. От одной этой мысли у меня перехватывает дыхание, словно это мне, а не Дилану нужна искусственная вентиляция легких. Так что передача «Вырастить Би» помогает мне обрести перспективу.

Би совсем не ходит. Большую часть времени она лежит на спине, глядя на сверкающую конструкцию, от которой по потолку разбегаются радуги. Ее сестры смастерили это чудо из компакт-дисков, которые они собрали у дру-